ОКСАНА ДЕМЧЕНКО

ИЗ ГЛУБИН ГОЛОПЯТОГО ДЕТСТВА

ПРЕДКАМ И ВСЕМ, СВЯЗАННЫМ С НИМИ, ПОСВЯЩАЕТСЯ

Оксана Демченко

Из глубин голопятого детства. Непричёсанная автобиография

«Издательские решения»

Демченко О.

Из глубин голопятого детства. Непричёсанная автобиография / О. Демченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-685481-9

Автор благодарит свою замечательную подругу и терпеливого редактора Зухру Рахмонову за всестороннюю поддержку, помощь в создании книги и многолетнюю дружбу.Все события, описанные в этой книге, реальны.

ISBN 978-5-00-685481-9

© Демченко О.
© Издательские решения

Содержание

Вступление 6
Глава 1. МОЙ ДЕД 8
Глава 2. ВСЕМ БЛИНАМ БЛИНЫ! 10
Глава 3. ДОБРЫЕ ТРАДИЦИИ 12
Глава 4. ГОРОД МОЕГО ДЕТСТВА 14
Глава 5. ИЗБА 16
Глава 6. ЕСЛИ ЗАКРЫТЬ ГЛАЗА… 20
Глава 7. МАСТЕРА НА ВСЕ РУКИ 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Из глубин голопятого детства
Непричёсанная автобиография

Оксана Демченко

© Оксана Демченко, 2025

ISBN 978-5-0068-5481-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

МОЙ СОЛНЕЧНЫЙ ДЕД БЫЛ БАЛАГУР…
Памяти лучшего в мире деда посвящается.

На протяжении нескольких лет я мечтала написать в своих социальных сетях пост о своём дедушке. Каким необыкновенным и дорогим человеком он был для меня. Почему-то это оказалось очень непростой задачей. Каждый раз, как только я бралась за дело, меня накрывал такой шквал эмоций, с которым невозможно было совладать, что я буквально начинала захлёбываться слезами. В итоге процесс стопорился и дальше ни в какую не хотел идти.

Не знаю, как именно, но сдвинуться с места мне помог один из моих самых любимых фильмов нашей современности «Родные» режиссёра Ильи Аксёнова. Сложно сосчитать, сколько раз я его смотрела. Но неизменно, с завидным постоянством, он каждый раз вытаскивал, выворачивал самую душу наизнанку. Будто про мою жизнь. Словно кто-то скрыто подглядывал и снял про неё кино. Как же он понятен, как отзывается! Однозначно родной! Трогательный. Его невозможно смотреть отстранённо. Этот фильм и смешной, и грустный, и глубокий, и честный, и при всём этом лёгкий для восприятия.

Лично у меня вызывает ностальгию…

Эта комедия всегда трогает до глубины, будоражит, задевает самые тонкие струны, проникает в самые потаённые уголки твоей сущности. И это безумно ценно! Песня про оладушки, с которой главный герой мечтает выступить на Грушинском фестивале, отдельный уникальный шедевр! Слезы сами струятся из глаз. Да, становится грустно. Очень. Но в то же самое время приходит облегчение.

Вдохновлённая очередным просмотром фильма, я принялась за написание поста про деда. Этот творческий процесс оказался настолько захватывающим и интересным, что было сложно остановиться. Так на свет появилась целая книга.

Прошу, не судить строго, ведь для меня такой опыт в новинку.

МОИМ ПРЕДКАМ И ВСЕМ, СВЯЗАННЫМ С НИМИ, ПОСВЯЩАЕТСЯ

Глава 1. МОЙ ДЕД

Дед моими глазами. Каким он был для меня.

Достаточно высокого роста, крепкий, монолитный. С такими большими, натруженными руками. Крупные ладони, толстые, плохо гнущиеся пальцы. Чем-то похож на русского богатыря из сказок. Лысина в полголовы, окаймлённая полосой белых, воздушных волос. Когда волосы отрастали сантиметров на десять, дед был похож на белый одуванчик. Как сейчас помню: запускаешь в них пятерню, а они такие мягкие, пушистые – нежнее шёлка. Маленькие карие глазки смотрели, будто с хитрецой. Взгляд цепкий, но добрый. Лицо избороздили многочисленные морщины. Особенно много их было вокруг глаз, дед часто улыбался. Улыбался он заразительно, и, казалось, его лицо, да и весь он сам светится изнутри. А как обнимал?! Бывало, сгребёт в охапку, прижмёт покрепче, а ты прильнёшь к его щетинистой щеке, вдохнёшь его родной тёплый запах, закроешь глаза и растворяешься в этой успокаивающей безмятежности. Все невзгоды и проблемы улетучиваются, будто их и не было.

Дед пришёл в нашу семью, когда мне было полтора года. Встретил и полюбил мою бабушку. По всем понятиям, принятым в обществе, был не родным. На деле же – это один из самых близких и родных людей в моей жизни.

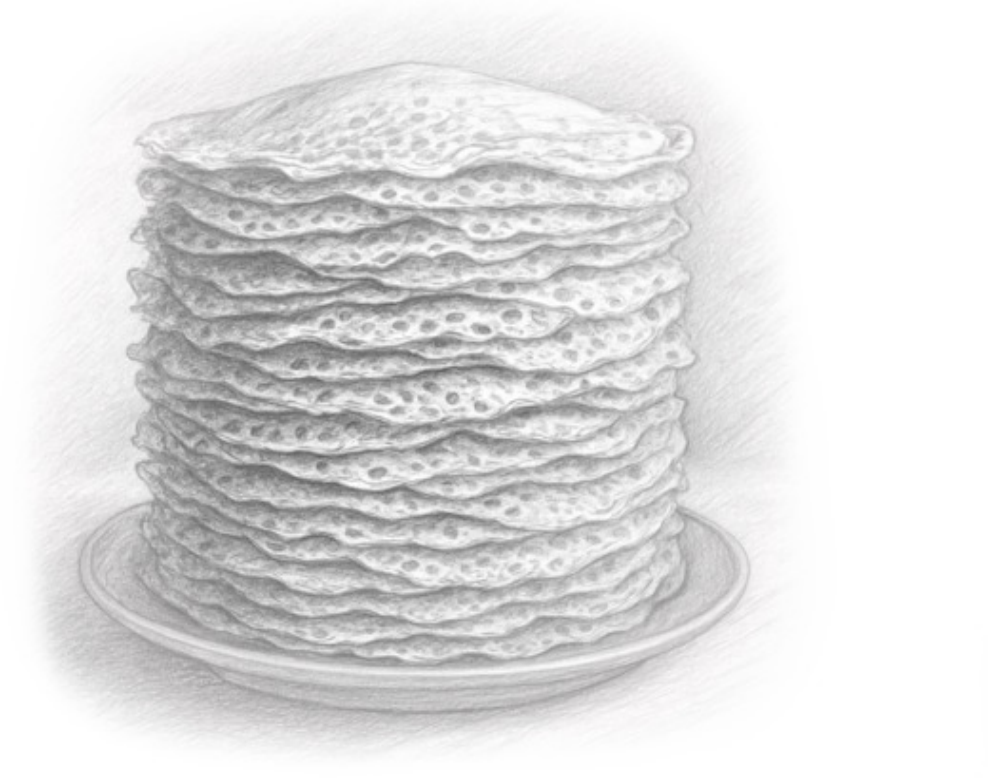
Его нет с нами уже десять долгих лет, а я до сих пор тоскую и скучаю по нему, по тому состоянию, которое я испытывала рядом с ним.

Он был балагур[1]! Да, прямо как в песне про оладушки из фильма «Родные». «Мой солнечный дед был балагур…» Меня всегда удивляла и восхищала его способность сыпать шутками-прибаутками, сказками-присказками. Откуда он их столько знал? Были такие, которые я слышала с детства. Дед повторял их из года в год. Они постоянно присутствовали в обиходе. Но было и много свежих. Каждый год что-то новенькое. Порой даже с «перчинкой», за что бабушка, шутя, бранила его: «Дедушка! А, дедушка!». Это была его фишка, его талант! С дедом не могло быть скучно, наоборот, время пролетало интересно, весело, с задором! Сколько приключений, путешествий и чудесных событий мы пережили вместе! С ним было просто, надёжно, тепло и уютно.

Когда на свет появилась моя младшая сестрёнка, дед ездил забирать её из роддома. Он всегда был искренним и частенько говорил: «Ксюнькин, я тебя очень люблю! Но Лёшку (так он называл мою сестричку) я люблю больше!» Быть может это странно, но я никогда не ревновала, и мне никогда не было обидно. Он умел любить так, что этой любви хватало с лихвой. За неё не нужно было бороться или как-то её заслуживать. Я просто знала каждой клеткой, чувствовала, что он любит. Любит по-настоящему.

Позже у деда родились родные внуки. Их он тоже любил всей душой. По возможности уделял время и тем, и другим. В итоге познакомил и подружил нас. В его сердце хватало места для нас всех.

[1] Балагу́р (разговорное) – человек, умеющий легко и весело говорить, шутя беседовать, замечать забавное. Это забавник, говорун, весельчак.



Глава 2. ВСЕМ БЛИНАМ БЛИНЫ!

Деда звали Владимиром. Мы же, любя, называли его – дед Володя. Он был рассказчиком от Бога. Его истории завораживали, очень часто я слушала их затаив дыхание, и меня было не оторвать. То было прекрасное время!

В годы Великой Отечественной войны дедушка был ещё ребёнком. Мужчины ушли на фронт, поэтому его вместе с сестрой воспитывали мать и тётка. Детство у них, как и у всех в то время, было непростым. Но могу сказать определённо, что выросли они замечательными, душевными людьми. Оба были очень добрыми, весёлыми, тёплыми. Рядом с ними всегда было хорошо.

Дед рассказывал, что в юности у него было прозвище «Слон». Наверное, уже тогда он был крупным, крепким и достаточно мощным молодцем. К сожалению, сама история его прозвища была мною утеряна. Я попросту её не помню, а спросить теперь не у кого.

Юность – в любую эпоху юность! Это один из самых романтичных и чудесных периодов жизни человека. Именно тогда люди совершают самые смелые, пусть даже безрассудные, поступки. Одной из забав мальчишек и девчонок дедушкиной молодости было голышом переплывать Волгу туда и обратно. Голышом, чтобы после купания одеться в сухое.

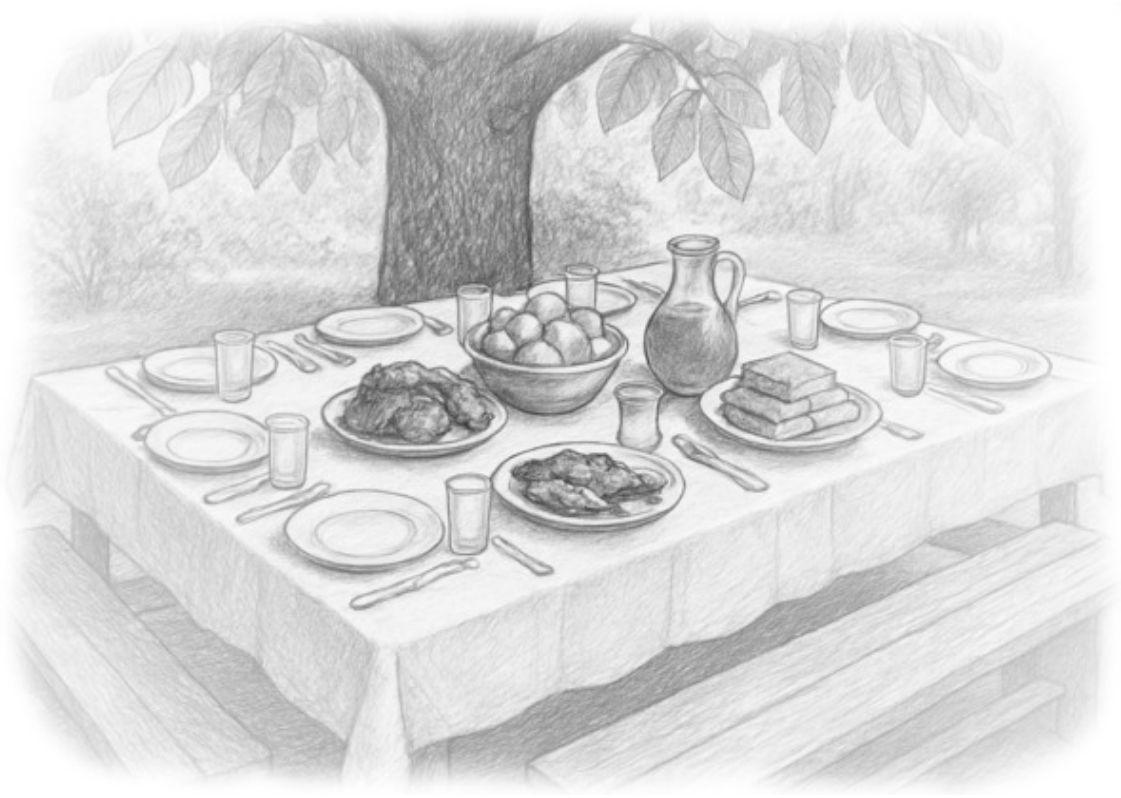
Если вдуматься, какие же всё-таки они были отважные, сильные и здоровые! И ведь плавали! Справлялись на ура! А вот я, к примеру, человек уже совсем другой «породы», мне даже в голову никогда не приходило переплывать такую реку. Да и Волга уже совсем не та, что в прежние времена.

Дед же мой был настоящим моряком. Служил во флоте коком. Любил вспоминать момент, случившийся в день первого выхода на воду. В то утро их провожали близкие, и один паренёк истошно закричал своей матери: «Маменька, да как же я теперь без Вас, да без Ваших ляпушек?!»

А как он готовил! Бывало, проснёшься утром, а по дому уже разливается тонкий аромат дедушкиных блинов. Двери плотно прикрыты, чтобы ему никто не мешал, и чтобы чад[2] с кухни не шёл в комнату. Но заскочить на кухню, подглянуть за этим таинством всё равно было можно. Дед в поварском фартуке, непрестанно поднимает и опрокидывает поварёшку с тестом, постоянно его перемешивает, чтобы блины получались кружевные, с дырочками. Печёт их сразу на двух сковородах и выкладывает в два красивых длинных ряда на застеленный кухонными полотенцами стол. Когда всё готово, складывает их стопкой обратно в сковороду и поливает растопленным сливочным маслом. Стопка получается огромной, высокой. Накрывает на стол, блины ставит посередине, разрезает их на 4 части. Каждый из нас ест свою четвертину прямо со сковороды. М-м-м! Начинки, какие хочешь: сахар, сметана, варенье (тоже на выбор), мёд и даже сгущёнка! Блинов всегда получалось много, что за раз было не одолеть. Поэтому в следующий раз их приходилось подогревать в той же самой посуде, в которой они изначально готовились. Мне очень нравились самые нижние, потому что они становились хрустящими.

Я всегда мечтала научиться печь «дедушкины» блины. Да, мои тоже хороши и вкусны, но не настолько. Именно такие, как у деда, у меня почему-то никогда не получались. Его были – ВСЕМ БЛИНАМ БЛИНЫ! Как-то мой старший сын решил попробовать себя в этом ремесле. Как же я была удивлена – ведь блинчики его получились очень похожими на дедушкины! Видимо, все хитрости и тонкости этого рецепта передаются только по мужской линии.

[2] Чад – удушливый дым от недогоревшего угля, от горящего жира. «Кухонный чад».



Глава 3. ДОБРЫЕ ТРАДИЦИИ

Дед умел и любил готовить. Придумывал блюда и давал им затейливые названия. К примеру, «Марсалы́га». Если честно, я не знаю, как его правильно написать. В интернете такого не найдёшь. Дедушка говорил, что рецепт очень прост. Всё, что нашёл в холодильнике, нарезал и в миску. Посолил, поперчил, заправил маслом или сметаной, перемешал – вуаля, блюдо готово! На самом деле, оно получалось изумительно вкусным! И при этом каждый раз было разным. Сейчас я уже вряд ли в точности вспомню все ингредиенты, которые входили в Марсалыгу, но всё же попытаюсь. В бабушкином холодильнике можно было найти многое: варёный картофель, варёные яйца, иногда какую-нибудь вкусную колбасу, солёные хрустящие огурчики, солёные помидорчики. Также в Марсалыгу можно было добавить свежие овощи и зелень с грядки. Ах, да! Если вдруг вам захочется приготовить нечто подобное, помните, что самое главное – это проявить смекалку, фантазию и включить уникальное природное чутьё: какие продукты будут сочетаться и гармонировать, а какие совершенно не подойдут. (Приятного аппетита – на всякий!)

Скажу вам по секрету, ещё мой обожаемый дедуля любил «хулиганить». Он занимался «зельеварением», попросту гнал самогон. И, когда возраст стал позволять, я тоже с удовольствием присоединялась к шалостям – дегустации домашнего напитка. Честно говоря, я так и не поняла, почему взрослым нравилось это «зелье». Запах – «фу!», вкус – «бе!», ещё и обжигающее, с гиперсогревающим эффектом. Им только в холодное время года пользоваться и то в качестве профилактики от разных вирусов. Только, тс! Никому! Мои родители могут не знать таких интригующих подробностей.

Дед всегда принимал активное участие в подготовке к застолью. Семейные застолья – это особая и любимая для меня тема. В детстве они случались регулярно. Некогда многочисленная родня часто собиралась вместе, общалась. В любые праздники, в том числе и детские дни рождения за столом «яблоку негде было упасть». Это была хорошая, добрая традиция. Мне всегда очень нравилась эта приятная суета: готовка, сервировка, приём гостей. Было в этом процессе что-то магическое, что-то сакральное.

В моём детстве все и всегда были рады гостям. Усаживали их за большой, богатый кушаньями стол. Гостеприимные хозяева умело создавали безопасную, дружелюбную и располагающую атмосферу. А как иначе, когда вокруг столько замечательных, желанных людей?

Ностальгия…

Вольские застолья были особенно упоительны[3]. Мои бабушки и дедушки любили петь песни. Эти песнопения очаровывали звучанием голосов, красотой речи и своим содержанием. Каждая песня была со смыслом! Это действо цепляло: по телу то и дело пробегали мурашки, наворачивались слёзы. Голос деда звучал зычно, раскатисто, был мощным и одновременно бархатным, будто заботливо окутывал с головы до пят, завораживал. В репертуаре деда было очень много песен. Про одного только ямщика с десяток разных, про Волгу, про любовь… Сонма[4] весёлых и грустных. Некоторые на всю жизнь запали в мою душу: «Огней так много золотых», «Вы слыхали, как поют дрозды?» и про того самого ямщика, которого просили не гнать лошадей…

К сожалению, эта традиция практически угасла. Ни разу не слышала, чтобы мои родители когда-либо что-либо пели. Интуитивно я пыталась как-то дальше продолжить это волшебство, пела своим детям. Когда старший сын был ещё ребёнком, помню, ему очень нравилась песенка «У леса на опушке жила Зима в избушке». Он частенько просил меня её исполнить. В период

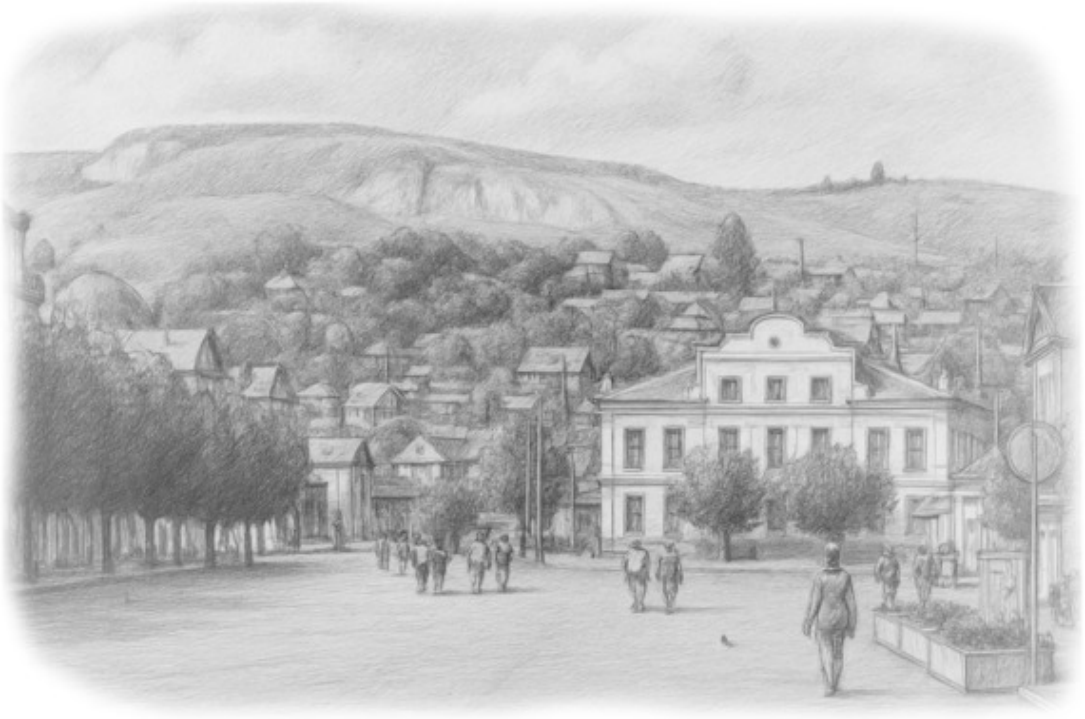
[3] Упои́тельный – вызывающий восторг, дарящий наслаждение.

[4] Со́нма – великое множество.

его подросткового возраста мы с ним пели любимые современные песни, слушая понравившиеся треки, скачанные в дорогу: «Крылья» Наутилуса, несколько песен из репертуара Короля и Шута и многие другие. Ну, как пели, по большей части подпевали. Так мы коротали время в пути, когда ехали в дальнюю поездку на автомобиле. Я за рулём, детвора рядом – сплошная романтика!..

Песни и музыка играют значительную роль в моей жизни, как в прочем, наверное, и в жизни любого человека. Недаром же в одной из них поётся: «Нам песня строить и жить помогает…» Меня они вдохновляют на созидание, заряжают, успокаивают, поднимают настроение или просто украшают день. Иной раз помогают принять важное решение или усиливают эффекты во время различных творческих процессов. Частенько именно музыка помогает создать медитативное состояние без непосредственного погружения в медитацию. Да и просто раскрашивает жизнь более сочными, яркими красками.

Вот и в этот раз меня «включила» песня из кинофильма «Родные», та самая, про бабушкины оладушки: «А река течёт, по дну катает камушки». Во многом благодаря ей на свет и появилась эта книга.



Глава 4. ГОРОД МОЕГО ДЕТСТВА

Моя бабушка с моим дедушкой жили в городе Вольске. Он привольно расположился на реке Волге, в Саратовской области. Красивое, живописное место. Я полюбила его всей душой! И эта любовь на всю жизнь.

Возвращаясь к теме песен, здесь хочется вспомнить ещё одну довольно трогательную: «Течёт Волга» Льва Ошанина.

«Издалека долго
Течёт река Волга,
Течёт река Волга —
Конца и края нет…
Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых
Течёт моя Волга,
А мне семнадцать лет…»

Столько воспоминаний сразу, чувств и переживаний. Это песня – жемчужина, одна из самых крупных в ожерелье моей жизни.

Город Вольск сам по себе небольшой. У бабушки был дом в той его части, которая скорее напоминала посёлок. По улицам ходили коровы, у дворов паслись козы. Практически все дома были деревянные. Они разные: простые и замысловатые, красивые и не очень, с резными ставенками и без, встречались даже разноцветные. Заборы железные и из дерева – на любой вкус, вид и лад.

Ближайший к дому магазин очень много лет сохранял свою нетронутую советскую первозданность. Помню, как сейчас, его запах, внешний облик стен, «советский» прилавок и звук. Да, там всё звучало по-особому: из-за высокого потолка в помещении создавалась невероятная акустика.

М-м-м! Колонка с водой была на каждой улице – бесплатный источник чистой, прохладной и удивительно вкусной воды. Пей – не хочу, умывайся, да хоть купайся целиком!

В детстве мы буквально жили на улице, домой нас было не загнать. Хватали связанную бабушкой голубую с белыми лебедями авоську, набирали в саду свежих яблок, срывали с грядок свежие огурцы, помидоры, насыпали в спичечный коробок соли, брали буханку хлеба, и всё: не ждите нас до самого вечера! Бабушка с дедушкой, отпуская нас на реку, говорили вслед волшебные, «оберегающие» слова: «Утонешь – домой не приходи!» Напутствие, и впрямь, было магическим: что бы ни приключалось с нами на речке, тьфу-тьфу, от серьёзных бед мы были «заговорены», и домой всегда приходили целые и невредимые.

Мы гуляли везде. В прилеске[5] недалеко от дома находили дикий чеснок, с ним наш хлеб становился ещё вкуснее! Тащили сумку с пледом и полотенцами на речку и возвращались с Волги загорелые, как шоколадки.

Дружили всей улицей! Знали в лицо и по именам почти всех соседей в округе. Ощущение было, что мы одна огромная семья. Дома не запирали на замки, если куда-то уходили, просто накидывали петельку, вставляли палочку, и сразу было понятно, что хозяева отсутствуют, значит прийти нужно позже. В гости друг к другу ходили запросто, без предупреждения, и все всегда были рады тебя видеть.

Улочки и проулки[6] простые, незатейливые, мало где освещённые. Ночью – хоть глаз выколи, не видно ни зги! Зато звезды, какие яркие! Небо другое, не такое, как на моей малой

[5] Прилéсок – небольшой, негустой лесок у края основного леса, прилегающий к домам.

[6] Проýлок (просторечие) – переулок, маленькая узкая улица.

родине – Ставрополье, более синее и по ощущениям расположено ближе к земле. Во время непогоды тяжёлые грозовые облака будто тащились из последних сил, чуть было не цепляли крыши маленьких домов. Из-за этого раскаты грома слышались совсем рядом и казались ещё более пугающими и ужасными.

Город Вольск – цементная столица Поволжья. Он знаменит своим производством цемента не только в нашей стране. В связи с выработкой этого строительного материала вокруг рассеивалось огромное количество пыли. Она необычная: серого цвета и очень мягкая, «пушистая». Босиком мчаться по ней было одно удовольствие! Правда в процессе такого веселья мы становись чумазыми, как трубочисты или чертята из мультика. Ковырнёшь пальчиком в носу, смотришь, а пальчик то весь грязно-серый…

В округе было две нормальные дороги: одна бетонированная, другая асфальтированная. Бетонированную все меж собой называли «Бетонкой». Все остальные дороги, как есть, в первозданном «природном» виде: просто протоптанные да укатанные местным транспортом, некоторые местами утрамбованы одубиной.[7]

Здесь я немного побуду вашей «Википедией», попытаюсь объяснить, что такое одубина. Это полезные отходы в виде щепок (маленьких кусочков дерева), получавшихся в ходе производства дубильного экстракта из дуба. Такой экстракт использовался в кожевенном производстве для специальной обработки кож и мехов, которая придавала им пластичность и прочность (дубление). Во времена моего детства в Вольске был единственный на всю страну завод «Пионер», где производили этот дубильный экстракт. В настоящее время завод не работает, по сведениям из сети интернет организация была ликвидирована ещё в мае 2010 года. Раньше одубиной засыпали дороги, топили печи. Быть может, у неё были и другие варианты использования, кто знает, к сожалению, история об этом умалчивает.

[7] Оду́бина (в лесохимии) – сырьё для производства дубильного экстракта. В данном контексте отработанное сырьё, щепки дуба.

Глава 5. ИЗБА

Мне настолько было хорошо у бабушки с дедушкой, что отсутствие условий совершенно не смущало и не мешало. Эти мелочи меркли перед тем состоянием, которое мне дарило это место и эти люди.

Изба у бабушки с дедом была простая, деревянная, с треугольной крышей. Кровля была волнистая, шиферная. Тут же торчала труба, из которой зимой частенько шёл дым. По соседству с трубой скромно ютилась телевизионная антенна. Дом был на двух хозяев. Бабулина и дедулина часть располагалась вглубь от дороги. В другой половине жил дед Петя, родной мамин дядька. Его окна смотрели на улицу. От улицы дом отделялся редким дощатым деревянным забором, вдоль которого буйно росли кусты малины и какие-то вьющиеся растения.

Глядя снаружи на фасад дома, нельзя было увидеть крыльцо, потому что оно было внутри кухни. Её пристраивали позднее, но уже из кирпича. Деревянное крыльцо было очень крутое и высокое – ступеней из пяти. Эти ступеньки были слишком узкими, поэтому взбираться по ним было достаточно неудобно и трудоёмко: ноги приходилось буквально задирать. Но зато это было полезно для тренировки ловкости. Ещё там сохранилось окно, его не стали замуровывать. Это было очень удобно: готовую еду можно было подавать из кухни в гостиную прямо через него. Под самым крыльцом уютно размещался тёмный подпол[8], где бабушка с дедушкой хранили богатый запас разносолов[9] и варенья. Туда было любопытно заглядывать, пока бабуля что-нибудь доставала или убирала. Оттуда веяло таинственностью и манило своей неизведанностью.

Изба была небольшая, всего на четыре комнаты, но очень уютная и светлая. Самая большая комната с двумя окнами, выходящими в сад и одним «межкомнатным» окном – гостиная, комната поменьше без окон – прихожая и кладовая одновременно и две совсем крохотные – спальни. В первой спальне было окно, обрамлённое кружевными занавесками, подоконник украшали живые цветы: целебные – алоэ, каланхоэ, и широко распространённые – фиалки и герань. Там также располагалась бабушкина с дедушкой полуторная железная кровать с высокой, мягкой как пух периной. Сверху это ложе было увенчано двумя огромными квадратными подушками, красиво поставленными друг на друга и накрытыми белой кружевной накидкой. Тепло и уют комнатке добавлял скромный коврик на стене. В те времена ковры были почти в каждом доме, обычно их вешали на стену, иногда стелили на пол. Кто-то считал их показателем достатка, кто-то модным интерьерным штрихом, а кто-то просто старался оградиться от холодных стен. Во второй спальне окон не было, туда практически не проникал свет, поэтому мы все называли её «тёмная комната». В ней помещался маленький жёсткий диван, лёгкая деревянная этажерка с книгами, односпальная металлическая кровать-сетка и старый бабушкин сундук.

Этот сундук для меня был уникальным: настоящий, деревянный, выкрашенный в голубой цвет, с тяжёлой плоской прямоугольной крышкой, очень громоздкий. Даже в сказках и фильмах я никогда таких не видела. Бабушка очень-очень редко в него заглядывала, что делало этот таинственный ларь ещё более загадочным и притягательным. Она хранила в нём какие-то памятные вещи. В этом сундуке долгое время жила кукла «Нельзяшка». В неё почему-то не разрешали играть, ею можно было только любоваться или рассматривать. Мне был не понятен такой запрет. Как это нельзя играть? Это же кукла! Быть может, бабушка боялась, что я её сломаю? Куклёнка звали Ваней. Он был очень нарядный! На нём был празднич-

---

[8] По́дпол (просторечие) – помещение в нижнем уровне дома для хранения запасов.

[9] Разносо́л (устаревшее) – различными способами заготовленные впрок соленья, маринады, приправы к блюдам (из плодов, овощей).

ный костюм: расшитая красная рубаха, яркие зелёные штаны, чёрные сапожки. Голову игрушечного мальчишки украшал чёрный картуз[10]. В руках Ваня держал красно-чёрную гармонь. Как же мне хотелось с ним поиграть, но я ж была послушной девочкой: нельзя – значит нельзя! У меня и в детском саду были такие куклы, которые сидели на самой верхней полке, их никому не давали. Это потом я узнала, что самые красивые куколки нужны были на случай внезапной проверки. Вдруг в группу с инспекцией нагрянет заведующая или методист? А тут такая красота, как на витрине в магазине! Всё целёхонько: ручки, ножки на месте, платьица целенькие, чистенькие, глазки смотрят ровненько, ни один не западает. Лепота! Поэтому спустя с десяток лет лично для меня было очень странно и непривычно увидеть куклёнка Ваню, заигранного в хлам соседскими детишками, которые бывало захаживали в гости к моим дедуле и бабуле. Видно, продолжать хранить его и дальше в неприкосновенности утратило всякий смысл.

Что-то я отвлеклась! Вернёмся обратно, в бабушкин с дедушкой дом. Обе спальни от гостиной вместо стены отделялись деревянным двухстворчатым платяным шкафом. Каждый комнатный проём вместо дверей был увенчан узкими льняными цветастыми занавесками. Эти занавески придавали комнате вид солнечной, усыпанной пёстрыми цветочками поляны. В те времена натуральный, настоящий лён был и в ходу, и в почёте, и доступен каждому: одежда, занавески, скатерти. Сейчас же такие вещи – настоящий раритет! На сей день у нас с вами всё больше синтетики или «подделки». Например: в современной реальности можно найти занавеси так называемые «под лён», то есть производители постарались придать ткани всего лишь вид льна, просто визуальную текстуру. Ну, а если и удастся наткнуться на натуральное качественное изделие, то оно будет стоить непомерно дорого, о широкой свободной доступности которого и речи быть не может.

Стены и потолок гостиной, окрашенные нежной голубой краской, давали ощущение прохлады в знойные летние дни. Даже полы играли красками: были попеременно, то оранжевыми, то коричневыми, в зависимости от того, каким цветом их «освежали». Чтобы в доме было тепло, на зиму в окна вставлялись вторые застеклённые оконные рамы. В углу у стены напротив окна размещалось пианино. Оно стояло «для мебели» или, так сказать, «для красоты». В своё время этот музыкальный инструмент служил верой и правдой моей маме, когда она училась в педагогическом училище. К сожалению, мамуля никогда ничего не играла для нас, зато бабушка разрешала нам немного похулиганить – побренчать на нём, что мы с удовольствием и делали со всей свойственной детям остервенелостью. На протяжении многих лет на пианино неизменно стояла ваза с одним и тем же красивым букетом засушенных цветов, рядом с ней задумчиво сидел жёлтый плюшевый лев с пуговичными глазами и рыжей курчавой гривой. У него был тощий, будто драный, хвост с жиденькой рыжей кисточкой на конце.

Повернувшись на сто восемьдесят градусов и немного подняв глаза вверх, над окном почти под самым потолком можно было увидеть портрет молодых бабушки и родного дедушки, с которым я не была знакома. Он умер задолго до моего появления на свет. Там же у окон располагался добротный раскладной стол. Он ловко увеличивался в размерах, когда мы ждали гостей. В левом углу, важно растопырив створки, стояло трюмо советской эпохи. А внизу, на полочке за стеклом, красовался, искушая всем своим видом, специально высушенный красивый торт. В детстве я не могла понять, зачем его высушили и почему его нельзя съесть? А так хотелось! В правом же углу гостиной на фанерной тумбочке ютился цветной телевизор, очень хороший друг моего деда, который в выключенном состоянии бабушка с дедушкой по старинке заботливо накрывали бархатной накидкой ярко-жёлтого цвета.

Стену с окошком в кухню традиционно утеплял шерстяной ковёр с замысловатым орнаментом, там же на ковре неумолимо тикали настенные часы. Внизу под ними стоял раскладной диван, он же «буфет». Бабушка хранила в нём разное добро, в том числе и праздничную

[10] Карту́з – разновидность фуражки, мужской головной убор.

посуду. О, это отдельный фетиш той эпохи: хранить самую красивую посуду и хрусталь для «особых случаев»! Но это – отдельная большая тема, которую я не буду здесь затрагивать. При выходе из комнаты можно было посмотреть температуру воздуха на комнатном термометре. А чуть выше него ежедневно перелистывал свои странички отрывной календарь.

А ещё в доме был тот самый «легендарный» косяк, на котором дед исправно чертил и подписывал отметины по мере того, как мы подрастали.

Снаружи избы был ход в погреб. В детстве это было одним из самых таинственных и интересных мест. Тёмный спуск в погреб был крайне узким, глубоким, ступени высечены прямо в земле, очень низкий потолок и освещение только в самом конце, в подвальной комнатке. Там всегда пахло сыростью и хранящимися овощами. Вместо полок лежали доски, на которых дружно теснились банки с различными заготовками. Маринованные огурчики, помидорчики, грибочки. М-м-м! Забалуйки (название то какое красивое) – непревзойдённые! Когда я была маленькой, то старалась выбирать самые малюсенькие грибочки, размером в несколько миллиметров. Грибные «детки» казались намного вкуснее, чем крупные грибы. Бабушка и дед знали, что посещение погреба мне доставляет особое удовольствие, и поэтому каждый раз старались звать меня с собой в это удивительное «путешествие».

Что же касается «удобств», а попросту туалета, он был на улице. Водопровода вовсе не было. Дом заполоняли только большие эмалированные вёдра с колодезной водой. Их у бабушки с дедом было видимо-невидимо! Все цветные: зелёные и синие. Вёдра были с двумя рубчиками по бортам, с деревянными рукоятками на металлических ручках. И, конечно, очень важное место занимал умывальник, который регулярно нужно было пополнять водой. Наливать ковшом воду – это полдела, и процесс более менее интересный, а вот что касается тяжёлого помойного ведра, которое приходилось выносить из-под умывальника, должна вам сказать, далеко не самое лёгкое и приятное занятие. Вместо душа – общественная баня или поход к соседке, у неё вода была проведена в летнюю кухню. (Хорошо, что в то время были настолько дружные соседи, что к ним запросто можно было прийти и искупаться!) Все эти вещи себя изжили. Постепенно они канут в лету и останутся, как воспоминания, только в рассказах и «старых фильмах» про нашу жизнь.

Вот такими были условия у бабушки с дедушкой. А где бы я ещё так «понюхала этой настоящей жизни»? Что такое колодец, я знаю не понаслышке. Потому, что у бабушки с дедушкой он был. Его, так же как и дом, и всё, что было в этом доме, своими руками делали, мастерили, строили мои предки. Если сейчас закрыть глаза и окунуться в воспоминания, я снова смогу услышать, как звякает колодезная цепь, пока взрослые вытаскивают ведро с водой из глубин колодца. И снова вода в нём ледяная, независимо от времени года и температуры воздуха. Холодная, чистая, но жутко невкусная! Да, да, я так и не смогла полюбить её вкус, поэтому приходилось ходить и набирать волжской воды в колонке, пока они ещё были. Закрыв глаза, снова смогу услышать знакомый скрипучий звук хлопающей деревянной калитки. По нему всегда можно было определить, что кто-то пришёл. Калитка никогда не запиралась.

Мои бабушки и дедушки, мои родители – это те люди, которые умели и умеют делать своими руками буквально всё! Делать с душой. Они – мастера на все руки и многому меня научили! Низкий им поклон!

Глава 6. ЕСЛИ ЗАКРЫТЬ ГЛАЗА… Эффект погружения или медитация наяву

Помню, как сейчас: раннее утро 5 июля 2025г. Проснулась. Ещё нет шести. До сих пор нахожусь под воздействием магии фильма «Родные», просмотренного накануне.

Приоткрыла форточку. Потоки свежего воздуха и звуков с улицы не заставили себя долго ждать. Прячусь под любимым пледом, закрываю глаза, и вспоминается детство. Срабатывает эффект погружения! Чувствую и проживаю именно то далёкое утро со всеми его атрибутами. Оно пахнет и звучит по-особому.

* * *

Бабушка давно встала. На ней тёмно-синий сарафан с белыми загогульками-цветками, волосы аккуратно убраны под белую с мелкими серыми крестиками косынку. Вижу, как она тихо открыла окна. Солнышко ласково освещает её родное, будто улыбающееся морщинистое лицо. Потянуло утренней прохладой и свежестью. Лёгкий утренний ветерок шепчет что-то едва уловимое. Я лежу, зарывшись в мягкое тёплое одеяло. Медленно просыпаюсь. То там, то здесь слышны крики петухов. Собаки устроили перекличку. Жужжащее насекомое исследует заботливо натянутую на окно сетку в поисках маленькой щели. Напрашивается в гости.

Хм, как интересно…

Аромат бабушкиного дома. Так пахло только там: деревом, летом, каникулами, уютом. Неповторимая атмосфера!

Головой понимаю, что я нахожусь здесь, в настоящем, а по ощущениям прямо там, в детстве, дома у бабушки с дедушкой. Игры разума – не иначе. А где это «здесь»? Ловлю себя на том, что мозг не может ответить на этот простой вопрос, я словно вне пространства и времени. Перед глазами Вольск, бабушкин дом, за окном сад… Решила помочь себе сориентироваться: приоткрыла один глаз. Подглянула в реальность. О, точно! Москва, квартира, 3-й этаж…

Вот это да!..

Бабушка была воплощением своего имени, её звали Любовью. Нет её, родной, с нами уже почти пять лет, и я очень по ней скучаю.

Вновь закрываю глаза. Что это? Слышу, как тикают настенные часы. Отчётливо слышу! (У меня нет таких часов здесь, они были у бабушки.) Ничего себе! Немного странно, удивительно, но как чудесно! Наслаждаюсь.

Пока что на заказ такое «включить» не получается, нет необходимого прокачанного навыка. Поэтому тихо радуюсь и благодарю Вселенную за такое необычное и волшебное начало дня.

* * *

Раннее утро 5 июля 2025г. Вроде бы так хотелось ещё поваляться, поспать, подремать… Нет! Пока вдохновение пришло, пиши, Ксюнечка, пиши! Лови волну! Фиксируй каждое словечко!

Глава 7. МАСТЕРА НА ВСЕ РУКИ

Уже в первом классе я довольно скоро стала ходить в школу и из школы самостоятельно. Взрослые меня не забирали. Однако случалось, что за мной вдруг ни с того, ни с сего всё же кто-то приходил. А бывало это в основном зимой. В такие моменты я интуитивно начинала испытывать странное волнение, такое приятное, будто предвкушение чего-то очень хорошего, радостного. Как выяснялось позже, каждый раз дома меня ждал сюрприз: к нам в гости приезжали бабушка с дедушкой! Вот это чутьё! Встречи у нас всегда проходили очень восторженно, квартиру наполняли счастливые визги и возгласы. Это был настоящий праздник! Бурлила внутри и прорывалась наружу целая феерия чувств, эмоций, ощущений. Радость буквально зашкаливала!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.